

Жиров Н.А.
(Елец)

УДК 947

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII В. В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО ОБЩЕСТВА¹

Изучение организации повседневного пространства в исторической ретроспективе открывает для исследователя широкое поле для размышлений о причинах и возможных факторах, определявших особенности развития социума в разные эпохи. Освоение пространств Юга России относительно реалий рубежа XVI–XVII вв. связано с внешней военной угрозой, исходящей из степных пространств Крымского ханства и Ногайской орды. Изучение пространств фронтальной зоны является актуальным вопросом в современной отечественной и зарубежной историографии. Этот тезис применим и в отношении исследования повседневной бытности человека, разных аспектов организации его жизненного пространства. В нашей статье описаны характер хозяйственной деятельности и особенности освоения территории Верхнего Подонья в административных рамках Елецкого и Ливенского уездов в первой половине XVII в. В качестве основных источников взят комплекс архивных документов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также опубликованные документы, такие как массовые источники, как писцовые и переписные книги уездов Юга России. Основная цель исследования – дать оценку хозяйственной деятельности первых поколений новопоселенцев в условиях военных угроз изучаемого пространства. Методика исследования заключается в использовании, как традиционных методов, так и современных методик, в том числе математической статистики и цивилизационного подхода. Основные выводы сводятся к идее о том, что освоение Верхнего Подонья в начале XVII в., в территориальных рамках двух изучаемых уездов – Елецкого и Ливенского, являлось многоплановым процессом, связанным с целым рядом факторов, где кроме угрозы, исходившей от степняков, сказывалось малочисленность местного крестьянства. Служилое население в первую очередь несло воинскую повинность, а занятие сельским хозяйством и иными видами экономической деятельности до середины XVII в. носили второстепенный характер. Вследствие постоянных разорений сел и деревень в уездах, ощущались диспропорции в развитии самих поселений, одни бесследно исчезали, другие – менее затронутые набегами, наоборот бурно развивались.

Ключевые слова: служилое население, крестьянство, повседневность, Елецкий уезд, колонизация, XVII в.

The study of the organization of everyday space in historical retrospect opens for the researcher a wide field for reflection on the causes and possible factors that determined the features of this organization in different epochs. The development of the South of Russia in relation to the realities of the turn of the XVI-XVII centuries is associated with an external military threat emanating from the steppe spaces of the Crimean khanate and the Nogai Horde. The study of frontier zone spaces is a topical issue in modern Russian and foreign historiography. This thesis is also applicable to the study of everyday life of a person, various aspects of the organization of his vital space. Our article describes the nature of economic activity and features of the development of the Upper Podonye territory within the administrative framework of the Yelets and Livensky counties in the first half of the XVII century. The main sources are a set of

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-39-20001 мол_а_вед

archival documents from the funds of the Russian state archive of ancient acts (RGADA), as well as published documents, such mass sources as scribal and census books of counties in the South of Russia. The main purpose of the study is to assess the economic activity of the first generations of new settlers in the conditions of military threats to the studied space. The research methodology consists of using both traditional methods and modern methods, including mathematical statistics and a civilizational approach. The main conclusions are that the development of the territory of Upper Don in the beginning of the XVII century, within the territorial framework of the two studied counties-Yelets and Livensky, was a complex process. The reason for this was a number of factors, where in addition to the threat posed by the steppe people, the small number of local peasantry affected. The serving population primarily carried military service, and the occupation of agriculture and other economic activities until the middle of the XVII century had a secondary character. As a result of the constant devastation of villages and villages in the counties, there were imbalances in the development of the settlements themselves, some disappeared without a trace, others-less affected by raids, on the contrary, developed rapidly.

Keywords: service population, peasantry, everyday life, Yelets district, colonization, XVII century.

DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-65-75

Организация пространства повседневной жизни населения в различные исторические эпохи отражает особенности развития социума в тот или иной период времени. В этой связи изучение повседневной жизни людей поможет лучше представить условия их жизни, а значит понять их мировоззрение, менталитет и представления о власти, влияющие на происходящие в обществе процессы. В то же время изучение повседневности наиболее эффективно в локальных исследованиях, поскольку позволяет на конкретном примере понять специфику общего явления. В нашей работе мы направим свое внимание на изучение населения окраины России – Елецкого и Ливенского уездов в первой трети XVII в.

Историография данной темы нашла свое отражение в ряде многочисленных работ, посвященных различным аспектам истории южных рубежей страны. Социально-экономические вопросы местной истории впервые оказались в центре внимания Д.И. Багаля [1]. Довольно интересным представляется труд Н.А. Благовещенского о «четвертном праве» однодворцев, где автор детально исследовал общину этих мелких земледельцев. В его работе был привлечен большой пласт документов по истории южных уездов, проанализирован процесс формирования поселенческой сети [2]. В трудах В.М. Важинского [3], посвященных однодворческому хозяйству, отмечено о значимости в хозяйственном развитии исследуемой территории деятельности сельских общин, сложившихся во второй четверти XVII в. В.М. Важинский был солидарен с Н.А. Благовещенским в том, что однодворческая община сыграла решающую роль в хозяйственном освоении региона. Советская историография основной акцент делала на изучение политических процессов, происходивших на Юге России, предполагая, что главную роль в социально-экономическом развитии региона в XVII в. играли холопы и крестьяне, игнорируя роль служилого населения [7; 11; 18].

Среди историков последних лет можно отметить работу М.Ю. Зенченко, который посвятил свое исследование первоначальному этапу освоения южнорусского пограничья на рубеже XVI – XVII вв. [8]. На данный момент появилось много работ посвященных социально-политической истории региона [5; 19, 21], осуществляется всестороннее изучение феномена «южнорусского фронта» тамбовскими историками [6; 17]. Вопросами землевладения Юга России занимается Е.В. Камараули [10]. Следует обратить внимания на исследования Д.А. Ляпина, посвященные социальной и повседневной истории Юга

России в XVI – XVIII вв. [12; 13]. Его работы остаются единственными в этом отношении.

Зарубежная историография в изучении Юга России представлена трудами К. Стивенс-Белкина «Солдаты в Степи» [23], Б. Дэвиса «Государственная власть и общество в России раннего Нового времени. Ситуация в Козлове в 1635-1649 гг.» [22], в которых показаны общие направления колонизации Центрального Черноземья, затронуты вопросы повседневной жизни и протекавших социальных процессов.

Изучение бытовой стороны жизни в любом ракурсе тесно связано со сложившимися историческими условиями, в которых приходилось жить и действовать. Чем сложнее эти условия, тем в большей степени проявляет свои характерные особенности человек. При этом он, в свою очередь влияет на окружающее его пространство, исходя из собственных миропредставлений и деятельности, обусловленной присущими ему особенностями поведения. В этой связи регион Юга России в начале XVII в. представляет особый интерес, как дикий и заброшенный край. Только в 1586 г. здесь был основан город-крепость Ливны, а вместе с ним предусматривалась и организация дополнительных сторож-дозоров в его окрестностях. В том же году южнее появилась крепость Воронеж. В целях дальнейшего укрепления границ ниже Ливен по течению р. Быстрой Сосны был основан Елец (1593 г.).

Строительство крепостей было осложнено ежегодными нападениями со стороны крымцев, мешавших закреплению русского населения в данном регионе. Первые поселенцы, служилые люди, фактически стали живым щитом на пути степняков в пределы центра страны. Тем не менее, вместе со строительством крепостей началась постепенная колонизация края, заселение и хозяйственное освоение региона.

Заселение Ливенского уезда началось с освоения территории левобережья р. Быстрой Сосны, по руслам мелких речек и ручьев, а Елецкого уезда с расселения помещиков по берегам мелких притоков р. Дон. Эта часть исследуемого региона изобиловала лесами. Правобережная часть Ливенского уезда была ими скудна, особенно это касалось лесов, страдавших от регулярных поджогов степи летом. Таким образом, служивое население пыталось лишить татарских коней подножного корма. Кроме того, правобережье номинально оставалось зоной подконтрольной Крымскому ханству, вследствие чего долгое время ни какой хозяйственной деятельности там не велось.

С ростом числа населённых пунктов в начале XVII в. в Елецком и Ливенском уездах были образованы по четыре стана в каждом, в которых изначально находилось всего по несколько поселков.

Ливенские станы в основном назывались по имени наиболее значительных лесных массивов, располагавшихся на их территории, например, Серболов, Красный. Исключение составлял Затруцкий, получивший название не от леса, а от географического положения, то есть за р. Труды. Тоже наблюдалось и в Елецком уезде, с той лишь разницей, что станы, в основном, именовали по названиям рек, протекавшим по их территории - Воргольский, Елецкий.

Говоря о географическом пространстве, стоит отметить, что территория Верхнего Подонья на рубеже XVI – XVII вв. представляла собой преимущественно лесное пространство, с небольшими участками степи. Предположительно дубравы и смешанные леса составляли до 70% площади уездов. В «Дозорной книге» 1615 г. упоминалось более 40 названий только больших лесных массивов, небольшие леса и перелески даже не фиксировались, о чем свидетельствуют материалы Генерального межевания конца XVIII в., где на планах были отмечены остатки лесной растительности и еще не распаханная целинная степь. В Писцовой книге 1685 г. указана примерная площадь отдельных казенных лесов Ливенского уезда. Например, Красный лес – 8000 десятин, Жилев – 600 десятин. В источнике было отмечено о существенной вырубке частного лесного массива, но, масштабы сведения леса неизвестны. Здесь стоит отметить, что оба указанных леса являлись ме-

стом плотного заселения первопоселенцев, начиная с основания крепости Ливны, то есть за 100 лет даже прилегавшие вплотную к городской черте леса не до конца были уничтожены.

Первый этап хозяйственного освоения территории зафиксирован в переписных (дозорных) книгах 1615 г. [9; 15]. Основными категориями населения изучаемых уездов, зафиксированных в этих массовых источниках, являлись служилые люди по отечеству – «дети боярские», которые в источнике именуется помещиками, а также служилые люди по прибору, в основном казаки. Первые помещики переселялись на новое место жительства без крестьян, поскольку юридически законный переход крестьян на новые земли был невозможен [11].

Основной задачей местного населения в начале XVII в. было несение воинской службы и целый ряд сопутствующих ей обязанностей: строительство крепостей, укреплений, валов, струговое дело, сменная служба в пограничных крепостях, летние и зимние службы (посылка по вестям, патрулирование степи и проч.). Переселенцы сначала обустроивали свой быт, а уже потом привлекались на градостроительные работы [12].

Среди не воинских обязанностей поселенцев особое место занимали десятинная пашня, государственный оброк («на государев обиход»), доставка хлеба и овса в пограничные остроги и крепости. Все эти обязанности шли одновременно с полковой и городской службой. Почти все местные служилые люди несли тягло, выплачивая его государству, в основном хлебом, и незначительную часть – деньгами. Это увеличивало бремя тягла, т.к. хлеб надо было не только собрать, но и отвезти за несколько сотен верст, где с провиантом было плохо из-за татарских набегов.

Естественно, условия жизни и труда в условиях перманентной угрозы со стороны степняков не позволяли вести эффективную хозяйственную деятельность, о чем говорят фискальные источники первой половины XVII в. Согласно переписям, в результате регулярных набегов татары и ногайцы угоняли скот, сжигали поселки, нередко уводили в плен и самих жителей, застигнутых врасплох во время сельскохозяйственных работ.

Большая часть населенных пунктов располагалась в удобных для ведения хозяйственной деятельности местах, на окраинах лесов вблизи от рек и ручьев, при этом многие крупные села размещались в непосредственной близости от татарских дорог. Например, это было свойственно поселкам Мокретского стана Ливенского уезда.

О численности жителей, проживавших на территории рассматриваемых уездов на рубеже XVI–XVII вв., судить сложно вследствие фискального характера используемых источников, не ставивших перед собой демографических задач учета населения [16]. По этой причине мы исходили из количества зафиксированных в поселениях дворов. Вследствие заселения региона переселенцами, стоит предположить, что подавляющая часть из них была представлена нуклеарными семьями. Согласно методике, принятой в исторической демографии относительно изучаемого периода времени [4], такой двор соответствовал семье в 5-6 человек (владелец двора, жена и двое-трое его детей, а также возможно родители мужа или жены). По причине приблизительности подсчетов мы использовали только округленные цифры.

В 1615 г. в Елецком и Ливенском уездах была проведена первая перепись населения. На основании данных, полученных в результате нее, была получена следующая картина первого этапа заселения региона.

Население Ливенского уезда (без учета г. Ливны) не превышало 5000-6000 человек, из них $\frac{3}{4}$ приходилось на долю помещиков, и только $\frac{1}{4}$ составляло крестьянство. Распределение по станам было не равномерно, в Красном, Серболовом и Затруцком численность жителей колебалась от 1500 до 2000 жителей в каждом, а вот в Мокретском едва дотягивала до 700-800 человек. Это было связано с татарскими разорительными походами, так как непосредственно по территории стана проходил один из важнейших путей степняков в пределы Российского государства – Муравский шлях.

В Елецком уезде в это время численность детей боярских составляла от 4000 до 4750 и 1000-1200 крестьян вместе с бобылями, а всех жителей – около 5000-6000 человек (без учёта г. Ельца).

В целом, можно сказать, что изучаемый регион на рубеже 1615/16 гг. представлял собой слабозаселенную территорию, с населением не более 12000 сельских жителей, и до 80% жителей размещалось на левобережье р. Быстрой Сосны.

Согласно сведениям из писцовой книги по Ливенскому уезду за 1615–1616 гг. были сделаны подсчеты по развитию земледелия в уезде.

В Красном стане у «детей боярских» и крестьян было зарегистрировано почти 1500 четей пашни, из которых более половины находились в перелог, а только 675 или 45% относилось к «доброй земле». Земли, находящейся в «диком поле», то есть не введенной в с/х оборот, равнялось почти 41310 четей. Таким образом, всего у данной прослойки населения уезда во владении числилась 42810 четей земли. Кроме того, за ними было закреплено 27197 копен сена. В ведении священнослужителей находилось всего 240 четей земли и 150 копен сена. В платежной книге были зарегистрированы и так называемые «порозжие земли» – поместья детей боярских, в основном запустевших в результате татарских набегов.

В Серболовом стане пашня вместе с перелогом занимала примерно 1725 четей земли, из которых «доброй» считалось 765 четей, что составляло 44% от площади пашни. Под «диким полем» находилось 4451 четь, а всей земли – 46176. Сена во владении детей боярских и крестьян было 28043 копен. Церковной земли и покосов было 240 четей и 220 копен соответственно. «Порозжих земель», не входивших в состав основного земельного фонда Серболового стана, было зафиксировано 1500 четей перелога и дикого поля.

Затруцкий стан был менее населен, чем предыдущие два, поэтому площадь пашни составляла 774 чети земли, из которых «доброй» - 438 четей или почти 57% площади запашки. «Дикого поля» во владении помещиков числилось 37068 четей, а всей земли – 37845, сена – почти 25000 копен. Церковной земли в стане находилось 240 четей, а сена – 200. Кроме того в Затруцком стане запустевших «порозжих земель» было зафиксировано 10125 четей переложной земли и дикого поля в 17 различных населенных пунктах.

Мокретский стан был самым маленьким по площади и самым слабозаселенным из всех четырех станов Ливенского уезда. Общая пашня вместе с перелогом составляла всего около 417 четей земли, из которых 228 – «доброй», «дикого поля» числилось 17463 четь, а всей земли – 17880. Под сенокос была отведена площадь, с которой можно было собрать 10825 копен сена. Церковная земля занимала всего 120 четей пашни и 100 копен сена. В Мокретском стане в 10 населенных пунктах было зарегистрировано 4425 четей «порозжей земли» в виде перелога и дикого поля.

Всего в Ливенском уезде пашня равнялась 21510 четям земли, из которой 17031 было «доброй». «Дикого поля» у разных категорий населения в уезде насчитывалось 161925 четей земли, а всей земли – 183435. В среднем расчете на 1 жителя (исходя из численности в 6000 человек) приходилось 3,5 чети пахотных земель, дикого поля – примерно 27 четей, а всей земли чуть более 30 четей. В целом, пашня с учетом перелога составляла 11,8%, а «добрая земля» – 9,4%, и 9/10-х земли представляло собой «дикое поле» - не обработанную целину, совершенно не введенную в с/х оборот. Площадь сенокосов составляла 108614 копен и в среднем на 1 жителя приходилось примерно до 20 копен сена.

Площадь выведенной из с/х оборота земли была особенно значительна в Затруцком и Мокретском станах, где она составляла от 21% до 19,8% всей земель в обозначенных станах соответственно. Возможно сказывалось отрицательное влияние Муравского шляха, проходившего по территории Мокретского стана.

Доля «порозжей земли» во всем уезде была намного ниже, и равнялась 9,5%. Связано это было с тем, что запустения во владениях слободских жителей зарегистрированы

не были, а в Красном и Серболовом станах являлись совсем незначительными. Но в любом случае, почти 1/10 часть всей земли, в том числе и бывшие пахотные угодья в результате Смуты и татарских разорений пришла в запустение, что говорит о сложности освоения территории уезда в этот период времени.

Кроме татарской угрозы все еще ощутимы были отголоски Смутного времени. Например, в 1618 г. оказался опустошительным поход украинского гетмана Сагайдачного, когда был разорен не только уезд, но и сожжены г. Ливны. Это событие еще более осложнило хозяйственное освоение региона. Из-за отсутствия сведений о точном количестве погибших и покинувших Ливенский уезд в результате трагических событий 1618 г. можно сделать только приблизительные выводы о материальном и людском уроне окрестностей г. Ливны. По словам ливенцев, бежавших для спасения в г. Елец от войск Сагайдачного, Ливны были полностью уничтожены [12, с. 56]. Тоже произошло со многими населенными пунктами Ливенского уезда, которые стояли на пути движения гетмана.

К 1630 г. в Мокретском стане числилось 1 село, 1 сельцо, 7 деревень, что указывало на дальнейшее запустение территории стана и Ливенского уезда в целом. Это стало прямым следствием татарских разорений, усилившихся в первой половине 1630-х гг., что замедлило заселение и хозяйственное освоение региона вновь замедлилось [14, с. 334-335].

Прежде, чем перейти к освещению хозяйственного освоения территории Елецкого уезда стоит отметить некоторые особенности процесса дальнейшего заселения данного уезда в 20-е годы XVII в.

По сведениям, полученным из Писцовой книги 1628 г. в Бруслановском стане было зафиксировано 13 сел, 1 слобода, 47 деревень и 4 пустоши [20].

В них, за исключением пустошей, числилось 778 дворов всех категорий населения (в том числе 21 «задворных и деловых людей»), в которых по приблизительным подсчетам проживало от 3900 до 4670 человек. По сравнению с 1615 г. происходит увеличение количества жилых дворов, а соответственно и населения в них в 3,75 раза, что указывало на положительную динамику развития стана за это время.

В Елецком стане располагались 9 сел, 28 деревень и 4 пустоши, в которых был зафиксирован 761 двор (в т.ч. 7 холопов и деловых людей»). В них проживало около 3800-4560 человек.

Количество населенных пунктов в Воргольском стане относительно переписи 1615 г. осталось практически неизменным: 6 сел и 19 деревень (в 1615 г. – 5 сел, 19 деревень и 1 починок), но число дворов, а соответственно и жителей в них, увеличилось в 4 раза, со 173 до 700. Данный факт указывал на бурный рост населения в этой части Елецкого уезда, что плодотворно сказывалось на степени ее хозяйственного освоения.

В Засосенском стане было зафиксировано 34 населенных пункта: 13 сел, 14 деревень, 6 починок, 1 погост, а также 2 пустоши. В данном стане числилось 555 дворов разных категорий населения, в которых предположительно проживало 2775-3330 человек. За период между двумя переписями 1615-1628 гг. произошел 3-х кратный рост жителей.

В целом, в Елецком уезде насчитывалось 2794 двора в 157 населенных пунктах, а также 10 нежилых мест – пустошей. Мы регистрируем рост количества помещичьих дворов за период с 1615 по 1628 гг. на 65%, а соответственно и жителей в них. Вследствие отсутствия сведений о количестве крестьянского и бобыльского населения в стане на 1615 г., то остается только предполагать о столь же значительном увеличении их доли в общей массе жителей исследуемой части уезда.

По нашим подсчетам общее количество жителей в уезде в 1628 г. (без городских слобод и самого г. Ельца) могло колебаться в пределах от 14000 до 16800 человек, что более чем в два раза было выше, чем в 1615 г.

Столь значительное увеличение населения в Елецком уезде за сравнительно короткий промежуток времени был возможен благодаря мощному миграционному потоку из центра страны, в первую очередь служилого населения – «детей боярских». Крестьянское переселение шло низкими темпами. А.А. Новосельским было зарегистрировано незаконное бегство крестьян на южные окраины России в 20-е годы XVII в. [18]. Большинство из них были выходцами со средней Оки: Орловского, Брянского, Болховского, Калужского и других уездов. По подсчетам историка бежавшие на юг крестьянские семьи в основном разместились в Курском, Елецком и Ливенском уездах. Так как преобладающая часть помещиков не имела крестьян на своих землях, и это создавало определенные трудности в хозяйственной деятельности населения на территории уездов.

Наглядным свидетельством сложности данного процесса могут служить сведения о хозяйственном освоении Елецкого уезда, которые были почерпнуты из писцовой книги 1628 г., так как более ранние документы менее информативны.

В Бруслановском стане было зарегистрировано 20163 четей пашни, из которых 5814 четей являлись «доброй землей». За помещиками числилось 51897 четей дикого поля, а весь земельный фонд составлял – 71397 четей земли. Таким образом, в с/х обороте в виде распаханых угодий (без учета перелога) находилось всего 8,1% земли, а более $\frac{3}{4}$ (72,7%) земель представляли собой «дикое поле». Под помещичьими сенокосными угодьями располагалось 19790 копен сена в поле. Фонд церковных земель был незначителен и составлял 765 четей пашни и около 300 копен сена.

В Елецком стане, одном из наиболее значительных по площади в Елецком уезде, под пашню было отведено 17007 четей земли, из которых 5043 – «добрая земля», а остальное – перелог. «Дикого поля» числилось 51138 четей, что составляло 75,3% от общего земельного фонда, находившегося в стане. Сенокосных угодий – 17054 копны сена. Церковной земли было меньше, чем в Бруслановском стане – 460 четей пашни и 235 копен сена.

Площадь введенных в с/х оборот земель в Засосенском стане была сравнительно невелика относительно его территориальных размеров. Все еще сказывалась его сравнительно слабая заселенность относительно других частей Елецкого уезда. Весь земельный фонд Засосенского стана равнялся 47742 четям земли, на долю «дикого поля» приходилось 34002 чети или 71,1%. Пашенные угодья составляли 13440 четей, из которых «добрый земли» - 4257. Таким образом, засеянная с/х культурами площадь составляла 31,7% всей пашни. Под сенокосами находилась площадь, с которой можно было собрать 13677 копен сена. В ведении церкви находилось чуть более 1000 четей пашни и 390 копен сена.

В самом маленьком по площади стане Елецкого уезда – Воргольском, распределение введенных в с/х оборот земель выглядело следующим образом: пашня – 12066 четей, «добрая земля» - 3669 четей, «дикое поле» - 32388 четей, всей земли – 44454 чети. Таким образом, пахотные угодья составляли 27% земельной площади, числящейся за помещиками стана, а только 8,2% являлись засеянными с/х культурами, что было типично для всех станов Елецкого уезда. Территория, отведенная под сенокосами, составляла 12217 копен. Церковной земли – 435 четей пашни и 133 копны сена.

Всей земли в Елецком уезде насчитывалось 232095 четей (в среднем 14,5 четей на 1 жителя уезда), из которых пашня – 62676 четей (26% от общей площади), причем более 9/10 относились к перелогу, а сама пашня, засеянная с/х культурами составляла 8%. В среднем на 1 жителя выходило около 4 четей пашни. Земли, находящейся в «диком поле», то есть не введенной в с/х оборот, равнялось почти 169500 четей (на 1 жителя около 10,5 четей) или 73%. сенокосов – 62738 копен сена. В церковном владении значилось 2490 четей пашни и 1054 копен сена.

Доля «порозжих земель» в Елецком уезде была значительно ниже, чем Ливенском уезде, и равнялась всего лишь нескольким процентам.

При сравнении распределения земель, имевшихся во владении жителей Ливенского и Елецкого уездов, имеются как сходства, так и различия в структуре с/х угодий. Например, доля пашни среди земельного фонда Ливенского уезда в 1615 г. составляла почти 12% от всей площади земель, а «доброй земли» – 9,4%. В Елецком уезде по сведениям 1628 г. пашней было занято 26% земли, что в два раза больше, чем в Ливенском, но доля «доброй земли», то есть без «перелога», была немного ниже – 8%.

Таким образом, можно сделать вывод о начале распашки целинных земель «дикого поля» в Елецком уезде в 1620-е гг. и попытке введения их в с/х оборот. Этот процесс протекал медленно вследствие малочисленности местного крестьянства.

Незначительные отличия, проявившиеся в хозяйственном освоении уездов, скорее всего, стали прямым следствием сравнения тенденций в с/х развитии региона на двух разных временных отрезках. Благодаря этому стало возможно проследить за изменениями в хозяйственном освоении Верхнего Подонья в двух плоскостях – территориальной и хронологической.

Естественно, усредненные цифры на 1 единицу населения уезда очень приблизительно, ситуация по станам и разным сословным группам отличалась, но так как вся земля находилась в руках служилого населения, это сглаживало возможные диспропорции.

В конце XIX в. в среднем на 1 человека в исследуемой местности доля пашни не превышала 2-х десятин земли, что примерно равняется 4 четям, и население требовало решения земельного вопроса по причине «малоземелья». При этом сенокосные угодья практически были сведены на нет. Можно предположить, что жители начала XVII в. либо не испытывали нужды в расширении запашки вследствие высокой степени плодородия почв и изобилия природных ресурсов (дичь, рыба, лесные плоды, грибы и т.д.) дополнявших рацион, либо не вся пашня попадала под официальную статистику землепользования.

Строительство Белгородской засечной черты в середине XVII в. отодвинуло рубежи России глубже в степи. Тем самым, район Верхнего Подонья перестал быть пограничным, произошло частичное смещение путей движения крымцев в пределы нашей страны. Татары фактически перестали пользоваться своими старыми дорогами, что стало началом мирной жизни для населения Елецкого и Ливенского уездов и способствовало их дальнейшему освоению и хозяйственному развитию.

Такова была организация повседневного пространства населения Юга России в начале XVII в. в контексте демографической динамики развития местного общества по данным Ливенского и Елецкого уездов. В таких условиях протекала повседневная жизнь первых колонизаторов этого края, во многом определяющая их быт, самосознание и менталитет.

Список литературы

1. *Багалея Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890. 456 с.
2. *Благовещенский Н. А.* Четвертное право. М., 1899. 538 с.
3. *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, Центрально-черноземное издательство, 1974. 495 с.
4. *Володарский Я. Е.* Население России в конце XVII - начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). Москва: Наука, 1977. 263 с.
5. *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж: Издательство ВГУ, 2001. 430 с.
6. *Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В.* Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII –

XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 6-16.

7. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Издательство ВГУ, 1989. 272 с.

8. *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI-начале XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 233 с.

9. *Елецкий уезд в начале XVII века. Елецкие десятины и платежные книги.* М., 2011. 514 с.

10. *Камараули Е. В.* Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 101. DOI:10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105

11. *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. 368 с.

12. *Лятин Д. А.* История Елецкого уезда в конце XVI-XVII веков. Тула: Гриф и К, 2011.

13. *Лятин Д. А.* К вопросу о формах поведенческих моделей и структуре повседневности южнорусского общества во второй половине XVII в. (на примере Воронежа) // *Filo Ariadne*. 2017. № 1 (5). С. 23-36.

14. *Майоров А. А.* История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. Орел, издательство «Картуш», 2013. 376 с.

15. *Мацук М. А.* Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году. Сыктывкар, 2001. Ч. II. 306 с.

16. *Мацук М. А.* Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007. 216 с.

17. *Мизис Ю. А., Каценко С. Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI - первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.

18. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с тарами в XVII веке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.

19. *Панков А.И.* Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 352 с.

20. РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 132.

21. *Четига Г. Г.* На южной окраине Российского государства. Донбасс в XVI-XVII вв. // Музейный вестник Республики. № 1. Донецк: Типография «РА ДОН», 2017. С. 299-341.

22. *Davies L. B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. N.Y. Palgrave Macmillan, 2004. 504 p.

23. *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 240 p.

References

1. Bagalej, D. I. *Materialy dlya istorii kolonizacii i byta Har'kovskoj i otchas-ti Kurskoj i Voronezhskoj gubernij*. [Materials for the history of colonization and life of Kharkiv and partly Kursk and Voronezh provinces] Kharkov, 1890. 456 p. (in Russian)

2. Blagoveshchenskij, N. A. *CHetvertnoe pravo*. [Quarter law] Moscow, 1899. 538 p. (in Russian)

3. Volodarskij YA. E. *Naselenie Rossii v konce XVII - nachale XVIII veka: (CHislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [Population of Russia at the end of the XVII - be-

ginning of the XVIII century: (Number, class composition, location)]. Moscow: Science, 1977. 263 p. (in Russian)

4. Vazhinskiy, V. M. *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII v.* [Land tenure and folding of the community of single homesteads in the XVII century] Voronezh, Tsentral'no-chernozemnoe Publ., 1974. 495 p. (in Russian)

5. Glazyev, V. N. *Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.* [Power and society in the south of Russia in the XVII century]. Voronezh, VGU Publ., 2001, 432 p. (in Russian)

6. Zhukov, D.S., Lyamin, S.K., Kanishchev, V.V. *Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossijskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv.* // [Frontier and fractal: results of computer modeling of the dynamics of the southern Russian frontier in the middle of the XVII – XVIII centuries.] // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 2013. № 10 (126). P. 6-16. (in Russian)

7. Zagorovskii, V. P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian State in the XVI century]. Voronezh, Publ. Voronezh State University, 1991. 272 p. (in Russian)

8. Zenchenko, M. Yu. *Yuzhnoe rossiiskoe porubezh'e v kontse XVI-nachale XVII v.* [The southern border of Russia at the end of the XVI-beginning of the XVII century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008, 233 p. (in Russian)

9. *Eleckij uezd v nachale XVII veka. Eleckie desyatni i platezhnye knigi.* [Yeletsy uyezd at the beginning of the XVII century. Yelets desyatni and payment books]. Moscow, 2011. 514 p. (in Russian)

10. Kamarauli, E. V. *Formirovanie poselencheskoy struktury v yuzhnyh uezdah Ros-sii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uезда)* [Formation of the settlement structure in the southern uyezds of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of the Voronezh district)] // History: facts and symbols. 2018. № 3 (16). P. 101. (in Russian)

11. Koreckij, V. I. *Zakreposhchenie krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVI v.* [The enslavement of the peasants and the class struggle in Russia in the second half of the XVI century.] Moscow, 1970. 368 p. (in Russian)

12. Lyapin, D. A. *Istoriya Eletsckogo uезда v kontse XVI-XVII vv.* [History of Elets County in the late 16 th-17 th centuries.] Tula: Grif i K, 2011. 208 p. (in Russian)

13. Lyapin, D. A. *K voprosu o formah povedencheskih modelej i strukture povsednevnosti yuzhnorusskogo obshchestva vo vtoroj polovine XVII v. (na primere Voronezha)* [On the question of the forms of behavioral models and the structure of everyday life in South Russian society in the second half of the XVII century. (on the example of Voronezh)] Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). P. 23-36. (in Russian)

14. Majorov, A. A. *Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnih vremen do konca XVII veka.* [History of Oryol. Slavic history from ancient times to the end of the XVII century] Orel, Kartush publishing house, 2013. 376 p. (in Russian)

15. Matsuk, M. A. *Gorod Livny i Livenskij uezd v 1615/1616 godu.* [The city of Libnah and Livenskogo County in 1615/1616 year] Syktyvkar, 2001. CH. II. 306 p. (in Russian)

16. Matsuk, M. A. *Fiskal'naya politika Russkogo gosudarstva i budushchie gosudarstvennye krest'yane Komi kraja, Severa i Yuga Rossii: obshchee i osobennoe (XVII v.)* [Fiscal policy of the Russian state and future state peasants of Komi region, North and South of Russia: general and special (17 th century).]. Syktyvkar: In-t yaz., lit. i istorii, 2007. 216 p. (in Russian)

17. Mizis, YU. A., Kashchenko, S. G. *Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI - pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii* [The problem of the formation of the Russian frontier in the South of Russia in the XVI - first half of the XVIII century in Russian historiography] // Bulletin of Saint Petersburg University. Series 2. History. 2011. № 1. P. 9-16. (in Russian)

18. Novosel'skij, A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka* [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of XVII century]. Moscow; Leningrad, Publ. Academy of Sciences of the USSR, 1948. 448 p. (in Russian)

19. Папков, А. И. *Porubezh'e Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoj (konets XVI-pervaya polovina XVII v.)* [The subjugation of the Russian Kingdom and Ukrainian lands of the Speech of Poland (late XVI-first half of the XVII century).]. Belgorod: Konstanta, 2004. 352 p. (in Russian)

20. RGADA (*Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov*), [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, op. 1, d. 132. (in Russian)

21. Шерпига, Г. Г. *Na yuzhnoj okraine Rossijskogo gosudarstva. Donbass v XVI-XVII vv.* [On the southern edge of the Russian state. Donbass in the XVII-XVIII centuries] // Museum Bulletin of the Republic. № 1. Donetsk: Printing House «RA DON», 2017. P. 299-341. (in Russian)

22. Davies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. N.Y. Palgrave Macmillan, 2004. 504 p.

23. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 240 p.